

Фундаментальная вертикализация науки

Государству не хочется финансировать те исследования, смысл которых не понятен правительству, даже если он понятен экспертному сообществу.

17 мая, практически одновременно с открытием очередного общего собрания Российской академии наук, совету другой важной для отечественной науки организации надо будет тихо и незаметно произвести усекновение собственной независимости. У Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) будет новый устав, в проекте которого, в частности, прямо говорится, что фонд финансирует лишь исследования, укладываемые в прокрустово ложе определенных правительством страны «приоритетных направлений». Оснований сомневаться в том, что руководство фонда пожертвует своими правами (точнее, правами своих экспертов или, еще точнее, даже той микроскопической и во многом эфемерной возможностью научного сообщества определять оптимальную траекторию своего развития, которая у него сейчас есть), ни у кого нет.

Споры о том, по какому пути следует развиваться российской науке, не утихали никогда, однако в последние годы они приобрели дополнительный драматический оттенок в связи с тем, что к этим сферам оказалось привлечено пристальное внимание высшего руководства страны.

Казалось бы, повышенное внимание государства к делам науки и высоким технологиям само по себе благо — по крайней мере это обещает какие-то дополнительные денежные вливания, ведь разговоры о систематическом недофинансировании институтов и университетов не вел только ленивый. «Хуже, чем при Ельцине, уже и быть не может», — подумает иной критик власти и окажется неправ. Может, может! Ситуация в науке продолжает ухудшаться, прежние кадры стареют и вымирают, талантливая молодежь предпочитает искать работу на Западе, и даже количество ссылок на российские публикации в журналах с высокими показателями цитируемости падает (по крайней мере в сравнении с другими развитыми и развивающимися странами). Плюсы же во всем этом находят лишь чиновники от науки, которые получают новые средства и возможности и излучают оптимизм.

Парадокс легко объясним — достаточно вспомнить легенду о том, как в XVIII веке британская королева соизволила посетить Гринвичскую обсерваторию и имела там продолжительную беседу с ее директором. Говорили о звездах и открытиях, но в конце разговора речь зашла об оплате труда ученых. Астроном сообщил королеве, какое жалованье он получает. Та в свою очередь удивилась и предложила эту сумму увеличить в несколько раз, однако ее собеседник неожиданно воспротивился: «Ваше величество, не делайте этого! Иначе на мою должность будут назначать придворных!».

Увы, и в России выделение денег на науку почти автоматически приводит к тому, что наукой стремятся «рулить» чиновники вместо самих ученых. И ладно бы они просто ограничились занятием каких-то высокодоходных должностей, так сказать, синекурой, но ведь при этом еще получают право решать, что вообще является наукой и что надо поддерживать, а что — нет.

Необходимо отметить, что само научное сообщество далеко не едино в понимании того, как должна быть организована наука в России «в идеальном случае» и что должно ее отличать от иных стран (и должны ли вообще быть такие принципиальные отличия). В среде российских ученых чрезвычайно популярна ностальгия по ушедшим советским временам. Многие попросту идеализируют организацию советской науки; ну, а в советскую систему школьного и вузовского образования не решаются «бросать камни» даже убежденные либералы. На все произошедшие с той поры изменения многие смотрят как на несомненную порчу (хотя и могут в какой-то мере признавать неизбежность всех этих процессов).

Верный способ сделать человека счастливым — сначала поступить с ним дурно, а потом вернуть всё, как было... И он тогда будет по гроб жизни вам признателен. В среде консерваторов требования обычно простые: «Верните, гады, всё как было или, по крайней мере, не разрушайте того, что еще есть». То, что пытались делать с наукой в перестройку и сейчас, для коммунистически настроенных граждан — несомненный заговор, причем разницы в свежих «министерских» или прежних «либеральных» реформаторах они не видят ровным

счетом никакой.

Тем не менее весьма существенные отличия в направленности реформ всё же есть, и есть довольно обширная категория научных работников, которая теперь всеми силами защищает те немногие положительные начинания в организации науки, которые, несмотря на все безденежье и почти равнодушие властей (а может, и отчасти благодаря ему), были предприняты в раннюю «ельцинскую» эпоху. Некоторой поддержкой пользуются и отдельные удачные министерские проекты, развиваемые уже в 2000-е годы, но так и ограничившиеся полумерами. Есть высказывания авторитетных и уважаемых ученых, которые самое безденежное время теперь характеризуют как период наибольшей эффективности государственных вложений в науку. Как ни странно, именно тогда в науке практически и не «пилили» — просто «пилить» было по сути нечего, — поэтому в процентном отношении больше денег доставалось непосредственно тем, кому они и предназначались.

Фигуру министра науки ельцинских времен Бориса Салтыкова (недавно поставленного на должность директора Политехнического музея) в академической среде оценивают очень по-разному. В глазах многих ученых старшего поколения он уже никогда не получит прощения хотя бы за слова, сказанные им в 1991 году, в самом начале реформ: «В России, господа, науки слишком много, придется ужиматься». Салтыкова воспринимают прежде всего проводником идей тогдашнего правительства (и некоего обобщенного «Чубайса»), стремившегося серьезно сэкономить, в том числе и на науке (и уменьшившего ее финансирование в разы). Но многие помнят, что именно тогда предпринимались серьезные попытки преобразований по западному образцу, — например, перераспределение денег путем введения конкурсного финансирования, самоуправления, придания относительной независимости научным группам и т. п. После Салтыкова (с 1996 года) дело встало. Новые намеки на реформы появились лишь недавно, в путинско-медведевское время, но им не рады даже те, кто всю дорогу ратовал за реформы. РФФИ — рудимент первой волны реформ российских научных институтов — на наших глазах сменяет вторая волна.

Бюджет фонда урезали еще год назад. В свете последних законопроектов уже и сама работа фонда ставится под вопрос; к тому же появился ряд высокобюджетных конкурсов, противоречащих самому духу работы фонда, — например, так называемые «офи-м», ориентированные на «приоритетные» направления, что вылилось в банальные «распилы» между руководством, задающим чрезвычайно узкие темы с расчетом на программы своих собственных лабораторий.

Доля РФФИ в «гражданском» научном бюджете после 2008 года упала с 6 % до 2,6 %. Многие исследователи ввиду всех этих удручающих «пятен» отказываются видеть какую-либо серьезную значимость РФФИ для современной российской науки, однако есть и, напротив, весьма значительный слой (в основном молодых) ученых, которые много сил вложили в борьбу за РФФИ, составление и подписание открытых писем в защиту фонда и видят в нем прототип «правильных» грантовых учреждений, вообще порой единственную возможность получать деньги на исследования независимо от воли руководства. Среди самых главных недостатков фонда называют весьма скромный «вес» типичного гранта РФФИ (в среднем он чуть более трети миллиона рублей) и запрет на выдачу рецензий по отвергнутым заявкам (то есть отсутствие в этом смысле интерактива и возможности последующей коррекции).

Теперь же руководство фонда и вовсе решило переписать устав, превращая свою деятельность в дубль министерских программ. Возможно, вертикализованному РФФИ государство и будет с большей охотой выделять деньги (на это, может, и рассчитывает нынешнее — изрядно критикуемое — руководство фонда), но весь смысл существования этой организации будет утерян. По крайней мере так считают ученые, заранее узнавшие о поправках и бьющие теперь в набат (стало известно, что новый устав собираются принять на совете РФФИ 17 мая, а затем он должен быть утвержден федеральным правительством).

Как отметил в комментарии на «Полит.ру» доктор физико-математических наук, заместитель директора Института теоретической физики имени Ландау РАН, научный руководитель проекта «Корпус экспертов» Михаил Фейгельман, новый устав меняет всю концепцию фонда. Так, вместо главного пункта ныне действующего устава (1992 года) о самоуправляемости РФФИ, согласно которому фонд «вправе самостоятельно выбирать области исследований, распределять внебюджетные средства и утверждать распределение ассигнований, выделяемых из федерального бюджета, по областям науки и проектам на конкурсной основе» поставлено риторическое утверждение, что «Фонд относится к наиболее значимым учреждениям науки».

Кроме того, Фейгельман подчеркнул, что если раньше основной целью фонда являлась «поддержка фундаментальных научных исследований», то из нового устава следует, что фонд будет заниматься финансированием только тех фундаментальных научных исследований, которые способствуют «реализации

утверждаемых правительством приоритетных направлений развития науки и технологий, а также критических технологий стратегической модернизации экономики России». Таким образом, по мнению ученого, решение о том, какие инициативные проекты стоит поддержать, будет принимать не сообщество ученых, представленное экспертными коллегиями фонда, а правительство или, скорее всего, Михаил Ковальчук, член совета фонда, которого связывают давние приятельские отношения с премьером Владимиром Путиным.

Михаил Фейгельман также обратил внимание на то, что в ряде мест в проекте устава «указана возможность финансирования не только научных, но и „иных“ проектов (без пояснения, что это такое)». Первый шаг в этом направлении уже был сделан при утверждении бюджета на текущий год, когда удалось в одной статье под титром «инноваций» объединить фундаментальные научные исследования и строительство дорог. «Видимо, нет нужды пояснять, для чего это написано», — отметил Фейгельман. Он считает, что принятие нового устава станет свидетельством тому, что «РФФИ как „атавизм 1990-х годов“ прекращает свое существование».

За РФФИ энергично вступился главный редактор газеты ученых «Троицкий вариант» Борис Штерн в своей последней передовице (см. ТрВ № 78):

Чем РФФИ отличается от других систем финансирования? Прежде всего, тем, что он по своим принципам не имеет никакого отношения к административным вертикалям и „вертикалкам“, утыкавшим всё вокруг. Средства поступают непосредственно в распоряжение руководителя гранта, который может быть (и очень часто бывает) обыкновенным научным сотрудником, например, кандидатом наук, не обеспеченным никакой административной „лапой“. Заявитель сам формулирует тему проекта и ни с кем не обязан согласовывать подачу заявки на грант. Решение, кому дать грант, по замыслу принимается такими же научными работниками, экспертами, которых тоже великое множество, и экспертным советом отделения, рассматривающим промежуточные случаи. Такой принцип придает научному работнику самостоятельность и статус. В реальности не всё так благостно, но РФФИ остается лучшим, что у нас есть в этом плане.

Такая схема, по-видимому, раздражает некоторых обладателей большого административного ресурса: оседлать финансовые потоки невозможно, коррупционная емкость близка к нулю. Поэтому с удручающей регулярностью предпринимаются попытки перекроить РФФИ в духе времени.

Инициатор писем в поддержку РФФИ Евгений Онищенко в своем выступлении на «Полит.ру» обрушился с критикой в адрес нынешнего руководителя фонда академика Владислава Панченко:

Страна, которая полагает себя мировой державой, должна поддерживать проведение поисковых исследований в различных областях науки хотя бы для того, чтобы всегда иметь некоторое количество экспертов-специалистов в „неприоритетных“ направлениях; научные группы, создающие задел в этих областях. Это дает возможность оперативно отслеживать смену научно-технологических приоритетов и быстро реагировать на нее, поскольку уже существует задел и страна в состоянии форсировать выпуск профильных специалистов высокой квалификации.

[...]

Но, видимо, нынешнее руководство РФФИ об этом не думает. Если понимать формулировки буквально, то те научные исследования, которые нельзя будет без большой натяжки отнести к списку текущих приоритетов, после принятия нового устава финансирования РФФИ не получат. Тем более, они не получат финансирования в рамках разных федеральных целевых программ (ФЦП) по приоритетным направлениям. Соответственно, судьба многих научных направлений, которые не попали в список текущих приоритетов, плачевна: научным группам, работающим в области астрономии, космологии, „чистой“ математики и многих других областях, очень сложно будет найти в России финансирование на свои исследования. Возможно, нынешние руководители РФФИ считают, что российская наука понесла недостаточные потери и можно много еще чего „слить“, свернув финансирование.

[...]

Думаю, не ошибусь, если выскажу мнение, что отставку нынешнего руководства фонда приветствовали бы многие ученые. Уходите в отставку, Владислав Яковлевич, и забирайте с собой своих подручных вместе с их проектом устава. Не дожидайтесь, когда требования об этом зазвучат на митинге.

Страсти, кипящие вокруг двух процентов научного бюджета и судьбы шести миллиардов рублей, могут показаться кому-то чрезмерными и надуманными, однако речь идет одновременно и о неких сигналах,

посылаемых руководством страны всему научному сообществу и наоборот. Вопрос на самом деле стоит и шире — о том, может ли в условиях современной России локально сохраняться и организовываться нечто, работающее на принципах нормальной конкурентной среды и не зависящее от успешности или неуспешности постоянного «ручного управления» сверху.

Научное сообщество воспринимает действия руководства фонда скорее как предательство своих интересов. И оно уже не верит в то, что у него могут быть какие-то реальные защитники. «Ученые протестовать уже не будут — будут уходить из науки или уезжать из страны, — пояснил в интервью газете «Московские новости» Михаил Гельфанд. — Дело даже не в деньгах — гранты РФФИ обычно невелики, — а в том, что существование фонда показывало: и в России могут существовать честные механизмы финансирования науки. Письма в его защиту подписывали тысячи ученых. И если сейчас руководство фонда их предаст, это будет последней каплей».

Многие считают, что в СССР лучшие научные коллективы и конструкторские бюро могли между собой продуктивно конкурировать и решать в короткие сроки поставленные перед ними задачи. НИИ были своего рода островами свободомыслия и терпимости. Конечно, нельзя забывать, что в СССР времен его расцвета вообще работала четверть всех научных работников мира — это была поистине гигантская армия, частично «небоееспособная», но позволявшая всем своим «рядовым» жить на зарплату и иметь крышу над головой. Разумеется, по числу научных статей Советский Союз уступал другим развитым странам, но занимал почетное четвертое место (сейчас это, увы, недоступная мечта) и поддерживал работу на всех научных направлениях... Для ностальгирующих ученых само существование советской системы (которую они в то время, как правило, и не любили) вполне оправдывается возможностью для живших внутри нее заниматься любимым делом (пусть и «неэффективным» образом и за скромные деньги).

К сожалению, спорить со всем этим очень трудно. Насколько была хороша та жизнь, насколько легко было заниматься действительно любимым делом, не отвлекаясь ни на что другое, и сколько мог еще «протянуть» сам по себе такой Советский Союз — вопросы во многом досужие. В любом случае отыграть назад не удастся, и какие-то перемены в организации науки, распределении денег и контроля за всем этим неизбежны. Но смысл этих перемен «либералы» и «государственники» видят по-разному, хотя и те и другие в той или иной мере апеллируют и к западному опыту управления наукой (большое внимание уделяется, например, ориентирам на формальные показатели, дополнительное стимулирование на их основе), и к советскому наследию.

Сразу нужно сказать, что как ностальгирующие «коммунисты» понапрасну видят во всех своих противниках неприменимых участников общего заговора, так и «государственники» все поголовно вовсе не являются сугубыми поклонниками «вертикального тандема» и «Единой России». Многие из них вполне искренне хотят повысить «эффективность» науки, подразумевая под этой эффективностью выдачу на-гора в самое ближайшее время технологических новинок. Им кажется, что государство само вправе определять направление развития тех или иных наук, отсекай «бесполезные» ветви и стремиться к тому, чтобы наука служила если не процветанию государства и власти при нем, то, по крайней мере, делу повышения их общего престижа (а для этого нужно не только выделять деньги на науку, но и сознательно руководить ею).

В качестве «попутного груза» так же искренне может восприниматься своеобразная «польза» науки в качестве изящного неподсудного поощрения соратников по партии (см. ТрВ № 78, с. 2–3) или же интеллектуальная поддержка на внешних и внутренних идеологических фронтах. Это уже не говоря о привычной службе науки в качестве разработчика новых и сверхновых видов вооружения, интерес к каковым, впрочем, уже не так велик, как в советское время. «Чистой» (но «малополезной») науке при этом заведомого зла как бы и не желают — пусть она выживает, если сможет... Но даже в отличие от перестроечного времени, когда всё еще хотели как-то поддержать её хотя бы в эмбриональном состоянии, сохранить для будущего, нынешняя власть удивляет порой нас просто убийственным прагматизмом.

Как всякий другой вид бизнеса, не патронируемый напрямую «верхушкой», бизнес, основанный на высоких технологиях, сильно страдает от произвола чиновников и «правоохранительных органов». Даже крупная зарубежная корпорация обречена на мытарства, если только ей не расчищают оперативно дорогу по специальному указанию «свыше» (в России дороже и дольше делать всё — от таможенных оформлений до сертификации). Говорят, что нормальный бизнес у нас может развиваться только «в ручном режиме», под высшим контролем. Для сохранения контроля над страной в этом несомненный плюс — зависимость всех и вся от благосклонности верхов отучает бизнес от мятежных поступков и мыслей о финансировании «деструктивных сил». Контроль над наукой и образованием выстраивается по той же схеме, вопрос о субсидировании того или иного направления, института или лаборатории должен находиться в руках «вертикали» и определяться политической сообразностью. К тому же нынешняя власть и чиновничество

весьма обидчивы...

Однако точно так же, как нормальное развитие бизнеса невозможно без нормальной честной конкуренции и равных для всех стартовых условий, так и наука хиреет в условиях, когда доступ к финансированию зависит от благорасположения чиновников, а не объективной экспертизы. К сожалению, защищать эту позицию приходится лишь небольшим инициативным группам на общественных началах. Последовательно отстаивать данную точку зрения и право на экспертизу могла бы Академия наук как целое, но ее руководство во всей этой катавасии имеет собственные посторонние интересы, и сама РАН не хуже министерских «вертикализирована» — даром, что спорит с Минобрнауки за куски недоеденного «пирога».

Тем не менее общая мысль о необходимости повышения эффективности науки, ее отдачи (в виде ли «готовых технологий», в виде ли высокоимпактных статей) волей-неволей сближает позиции двух «реформаторских партий» и даже противопоставляет их «третьей стороне», той же Академии наук, в руководстве которой немало сторонников сохранения «всего того, что еще осталось», без всяких зримых преобразований. На фоне же отдельных случаев сотрудничества идет борьба с одной стороны за лучшую управляемость ресурсами со стороны власти, а с другой — за создание общего независимого от чиновничьего произвола «благоприятного инвестиционного климата» как в науке, так и — шире — в стране в целом (что, вероятно, невозможно, пока блюдятся интересы «вертикали» и «тандема», при отсутствии свободных выборов и пассивности населения). Открытая объективная экспертиза (особенно международная) и независимость от чиновничьего произвола (вопросов лояльности, коррупции и т. п.) — это очевидный подрыв «вертикали», поэтому на полный успех здесь рассчитывать не приходится, но возможен, вероятно, какой-то частичный — с той самой возможностью иногда заниматься и любимым делом...

Из последних новостей на этих фронтах — возможная победа (частичная) над пресловутым законом 94-ФЗ («О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд»), ставшим за последнее время одним из тормозов науки (вероятно, тут к месту было бы его назвать «ручным тормозом»), и, напротив, весьма вероятное поражение в битве за устав РФФИ, который, похоже, будет «заточен» в основном под «мегапроекты», распределение денег по которым может проходить под полным контролем властей, обеспечивающих таким образом попадание средств исключительно «в нужные руки».

Что будет дальше? Сколько эта борьба продлится? Выживет ли российская наука хоть в каком-то виде или превратится в имитацию науки? Все эти вопросы пока остаются без ответа.

Автор: Максим Борисов © Вокруг Света НАУКА И ТЕХНИКА, РОССИЯ 👁 2863 23.05.2011, 13:31 📌 448
URL: <https://babr24.com/?ADE=93722> Bytes: 21258 / 21209 Версия для печати Скачать PDF

👍 Порекомендовать текст

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- Телеграм

- ВКонтакте

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: @babr24_link_bot

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: @bur24_link_bot
эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова
Телеграм: @irk24_link_bot
эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская
Телеграм: @kras24_link_bot
эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская
Телеграм: @nsk24_link_bot
эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин
Телеграм: @tomsk24_link_bot
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"
Телеграм: @babrobot_bot
эл.почта: eqquatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)